

0-789007

На правах рукописи

САВИЦКАЯ Наталья Владимировна

**СПОСОБЫ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. О. ПЕЛЕВИНА И Т. Н. ТОЛСТОЙ)**

Специальность 10. 02. 01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Омск – 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Бутакова Лариса Олеговна
ГОУ ВПО «Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского»
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Чувакин Алексей Андреевич
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

кандидат филологических наук, доцент
Мусагитова Галия Нильевна
ГОУ ВПО «Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия»
- Ведущая организация:** ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

Защита диссертации состоится «27» июня 2011 года в 14 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.179.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского: 644077, г. Омск, ул. Нефтезаводская, 11.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Автореферат разослан «25» мая 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000668746

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Е. А. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тенденции становления когнитивного подхода к тексту находятся в центре современных научных интересов. Данный аспект исследования реализует ориентацию на субъект и его сознание. Одним из направлений подобного изучения являются способы вербальной репрезентации авторского сознания – всеорганизующего центра текста.

В процессе чтения и анализа художественного произведения происходит процесс коммуникации между автором и адресатом. Подобный процесс делают возможным, во-первых, общность информационного тезауруса и единство социальной сущности участников коммуникации, а во-вторых, знание языкового кода и умение применять его в речевой практике.

Постмодернизм – это обобщенное название сложного комплекса течений и направлений в культуре II половины XX в., особого состояния общества и мироощущения человека. Данному феномену присуще множество характерных черт, одной из которых, по мнению некоторых философов и литературоведов, является так называемая «смерть автора». Текст в постмодернизме приобретает автономный статус, фигура Автора рассеивается, исчезает.

Мы, однако, разделяем мнение М. Эпштейна о том, что на самом деле ^{это} начало эпохи гиперавторства, размножения авторских и персонажных личностей. Проблема авторского сознания в постмодернистском тексте чрезвычайно сложна и представляет несомненный исследовательский интерес.

Именно это определило цель и задачи исследования.

Цель настоящей работы – выявление способов вербальной репрезентации двух различных типов авторского сознания в постмодернистском тексте.

В работе были поставлены следующие задачи, отражающие основные этапы исследования.

1. Характеристика постмодернизма как этапа развития историко-литературного процесса, выявление его литературных и лингвистических особенностей.

2. Рассмотрение проблемы специфики проявления авторского сознания в постмодернистском тексте.

3. Лингвосмысловой анализ способов вербальной репрезентации двух различных типов авторского сознания в постмодернистском тексте:

- а) анализ интертекстуальных связей постмодернистского текста как способа выражения авторской модели мира;

б) анализ специфики пространственно-временной организации постмодернистского текста.

в) анализ структурно-семиотического состава постмодернистского текста как средства выражения авторского сознания.

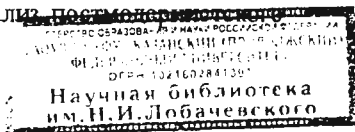
При решении поставленных задач нами использовались следующие **методы и методики** исследования: метод лингвистического описания; методика компонентного анализа семантики слова и высказывания; историко-культурологический метод (при помещении постмодернистского текста в историко-культурный контекст); трансформационный метод, позволяющий выяснить, какого рода трансформации испытывает первичный (прецедентный) текст при преобразовании во вторичный (цитируемый); метод лингвистической рефлексии, распространенный при изучении языковых приемов автора, который заключается в толковании определенных языковых оборотов с точки зрения субъективной оценки исследователя.

Объектом исследования является прозаический текст постмодернистской литературы как целостная система (семиотическая, коммуникативная, эмотивная), отражающая специфику сознания его создателя.

Предмет исследования – способы вербальной репрезентации двух различных типов авторского сознания как всеорганизующего центра постмодернистского текста в аспекте лингвистического моделирования.

Материалом исследования являются прозаические тексты В. О. Пелевина (романы «Чапаев и Пустота», «Омон Ра», «Жизнь насекомых», «Generation «П», «Числа», повести «Желтая стрела», «Затворник и Шестипалый», рассказы «Миттельшпиль», «Бубен нижнего мира», «СССР Тайшоу Чжуань», «Хрустальный мир», «Вести из Непала», «Проблема верволка в верхней полосе», «Онтология детства», «Синий фонарь», «Мардонги», «Бубен верхнего мира», «Ухряб», «Иван Кублаханов», «Девятый сон Веры Павловны», «Зигмунд в кафе», «Ника», «Встроенный напоминатель», «День бульдозериста»), рассказы и очерки Т. Н. Толстой: «Соня», «Любишь – не любишь», «На золотом крыльце сидели...», «Милая Шура», «Круг», «Огонь и пыль», «Спи спокойно, сыночку», «Ночь», «Вышел месяц из тумана», «Самая любимая», «Факир», «Петерс», «Ночь», «Чужие сны», «Какой простор: взгляд через ширинку», «Художник может обидеть каждого», «Дедушка-дедушка, отчего у тебя такие большие статуи?», «90-60-90», «Надежда и опора», «На липовой ноге», «Лед и пламень», «Политическая корректность», «Женский день» (итого 3039 с.).

Новизна исследования состоит в том, что в настоящей работе впервые произведен лингвосмысловой анализ постмодернистского текста.

текста как целостного когнитивно-концептуального, коммуникативного и семиотического единства. Расширены представления о категории «авторское сознание» и способах его вербальной репрезентации, а также исследованы структурно-семантические особенности постмодернистского текста и определена специфика организации текста художественного произведения в связи с введением текстовых вставочных элементов (прецедентных культурных знаков).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Специфика авторского сознания постмодернистского типа как организующего начала текста обнаруживается через главную эмоционально-смысловую стратегию – тотальную иронию, граничащую с сарказмом и профанацией сакрального. Для этого привлекается структурно-семиотический набор, в котором преобладают прецедентные единицы, вводящие языковую игру с прототекстом и реализующие стратегию десакрализации, а также узуальные собственные и нарицательные имена. Наряду с узуальными знаками нами отмечается значительное число окказиональных, которые выполняют в тексте различные функции: номинативную, аттрактивную, людическую, текстообразующую и др.

2. Разные типы авторского сознания имеют специфические особенности репрезентации в тексте, проявляющиеся в цитировании как способе обнаружения автора, пространственно-временной организации текста, наличии / отсутствии аксиологической шкалы.

3. Цитирование как способ представления постмодернистского авторского сознания в тексте в одном случае выступает основой мирозерцания (В. О. Пелевин), в другом – является иллюстративным материалом к выражению фрагментов картины мира (Т. Н. Толстая).

4. Пространственно-временная организация текста реализуется в постмодернистской прозе по-разному и зависит от коммуникативной направленности авторского сознания. Авторское сознание, ориентированное на читателя, реализуется в намеренном нарушении пространственно-временных координат, невозможности идентифицировать пространство как единственно реальное, введением в текст игровых моментов (В. О. Пелевин). Авторское сознание, ориентированное в большей степени на самовыражение, реализуется через пространственно-временную структуру текста, в которой отсутствуют четкие ориентиры или их маркеры, происходит смещение событий, немотивированное изменение пространственно-временных точек зрения, замена реального пространства ментальным (Т. Н. Толстая).

5. Различия в организации и текстовой реализации авторского сознания определяются ценностным ядром. В одном случае размывание ак-

сиологического ядра проявляется в тотальной иронии, граничащей с профанацией, сарказмом. В тексте оно реализуется с помощью различных семиотических и смысловых стратегий: цитации, игры с прототекстом, окказиональных единиц. В другом случае ярко выраженная аксиологическая шкала формирует ведущие вспомогательные стратегии смысло- и текстообразования.

Необходимость концептуального объяснения общих принципов построения текста и специфики его понимания определили **актуальность исследования**, которая обуславливается следующими лингвистическими процессами:

- разносторонностью изучения проблем сознания в разных научных парадигмах и разделах науки о языке (Е. Ю. Артемьева, В. П. Белянин, Л. О. Бутакова, А. А. Залевская, В. П. Зинченко, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев.);

- онтологической непроясненностью сознания индивида как когнитивного и психофизического феномена, многообразием моделей его описания, недостаточной приближенностью моделей к сущности феномена (М. Вартофский, Ф. Е. Василюк, Т. ван Дейк, В. З. Демьянков, В. П. Зинченко, В. Кинч, А. В. Кравченко, Дж. Лакофф и др.);

- отношением к тексту как продукту целенаправленной речевой деятельности индивида, отражающей сознание его создателя и потому выступающей основой для моделирования структуры сознания продуцента (В. П. Белянин, Л. О. Бутакова, А. А. Залевская, В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокин и др.);

- потребностью разработки лингвистической, когнитивной, психолингвистической теории и практики анализа художественного текста в аспекте установления роли субъективного фактора в его смысловой и структурной организации смыслоформирующей роли (Дымарский М. Я., 1999, Тер-Минасова С. Г., 2000, Чейф У., 2001; Аронов Р. А., 1999).

Актуальность исследования также обусловлена тем, что постмодернистский прозаический текст в целом и специфика вербальной репрезентации авторского сознания в частности представляет собой малозученную область современного литературного процесса. Изучение лингвосмысловых особенностей постмодернистского текста имеет ценность для более глубокого понимания литературного процесса конца XX – начала XXI века.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем осуществляется применение теории авторского сознания к исследованию русского художественного текста постмодернистского типа, традиционно представляемого в виде автономной

структурной композиции, и выявление в нем текстоструктурного начала. Работа вносит определенный вклад в решение проблемных вопросов современной лингвистики: структурной и смысловой организации художественного текста; лингвистического моделирования авторского сознания; определения закономерностей вербальной репрезентации компонентов авторского сознания в художественном тексте.

Практическая значимость состоит в возможности использования материалов исследования в вузовских курсах стилистики русского языка и стилистики текста, семиотики, теории текста, специальных курсах по когнитивной, коммуникативной лингвистике, филологическому анализу художественного текста.

Апробация работы: по теме исследования опубликовано 7 статей. Основные положения диссертации обсуждались на различных конференциях: Первой международной конференции «Русская филология: язык-литература-культура», Омск, 13–14 декабря 2001 г., Первой региональной научно-практической конференции «Информатика и лингвистика», Омск, 17 мая 2001 г., Второй региональной научно-практической конференции «Информатика и лингвистика», Омск, 22 апреля 2003 г., научно-практической конференции 27 апреля 2006 г.

Структура работы определяется спецификой поставленных задач, характером объекта и предмета изучения. Диссертация состоит из введения, четырех глав, состоящих из ряда параграфов, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, выявляются основные направления исследования вербальной репрезентации авторского сознания в постмодернистском тексте, определяются предмет, объект, цели и задачи исследования, формулируется практическая и теоретическая значимость, выделяются используемые методы и приемы анализа, характеризуется материал исследования, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Общая характеристика постмодернистского текста. Понятие «постмодернизм» противоречиво оценивается исследователями: «неизлечимый недуг» (А. Е. Чучин-Русов), «натужная игра на пустотах» (А. И. Солженицын), «объективная историко-культурная ситуация» (М. Эпштейн).

Основными чертами постмодернизма являются следующие: фрагментарность, принципиальный эклектизм, отказ от всеохватывающих

мировоззрений и повествований и от истины, ониричность, создание симулакра (искусственной реальности), «смерть автора» и появление так называемого Скриптора, активная включенность читателя в создание и интерпретацию текста, полисеманτικότητα, инволюция, деконструкция.

Языковыми характеристиками постмодернистского текста выступают интертекстуальность, цитатность, бытование в нем прецедентных культурных знаков.

Н. А. Фатеева понимает под интертекстуальностью «установку на более углубленное понимание текста или разрешения непонимания текста за счет установления многомерных связей с другими текстами». М. Эпштейн говорит о том, что постмодернистский текст является игрой сознательных и бессознательных заимствований, цитат, клише. Н. А. Кузьмина рассматривает интертекст как «объективно существующую информационную реальность, способную бесконечно самогенерировать по стреле времени». К особенностям интертекста Н. А. Кузьмина относит его пребывание в состоянии хаоса, безграничность во времени и пространстве, отсутствие аксиологической шкалы.

Интертекст обладает энергией, которая складывается из суммы энергии прототекста и автора. Процесс энергообмена между прототекстом и метатекстом Н. А. Кузьмина называет цитацией. Постмодернистский текст соткан из цитат. Н. А. Кузьмина говорит о стереоскопическом эффекте цитаты: она одновременно «моя» и «не моя», принадлежит автору-творцу и некоему Другому. Цитирование в целом можно рассматривать как бытование в метатексте прецедентных имен и высказываний. Данные знаки отражают соотносительность с национальными фоновыми знаниями и активное включение в современный литературный процесс, обладают ценностной значимостью для определенной культурной группы.

Образ автора в художественном тексте, по мнению В. В. Виноградова, — это образ, созданный из основных черт творчества писателя, это «индивидуальная, словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его компонентов». Автор и адресат выступают компонентами единой модели коммуникации. Н. С. Болотнова вводит понятие «сотворчества» автора и адресата. Языковая картина мира автора текста, как правило, богаче и шире языковой картины мира читателя.

Авторская картина мира, отражаемая в тексте, несет в себе черты языковой личности ее создателя. В коммуникативной ситуации нарратива аналогом говорящего является не сам автор, а образ автора, точнее сказать — повествователь.

Вышеперечисленные признаки составляют специфику постмодернистского текста как сложного уникального образования с «политической» и «стереофоничным» содержанием.

Глава 2. Интертекстуальные связи в постмодернистском тексте как средство выражения авторского сознания. Постмодернистский текст представляет собой уникальное авторское образование, пронизанное иронией и наполненное цитатами. Для обоих исследуемых типов авторского сознания характерно применение приема цитации, использование прецедентных культурных знаков, однако цели и задачи их использования кардинально различаются.

Лингвосмысловой анализ позволяет выделить три вида цитатности в постмодернистском тексте.

1. Медиальный вид цитатности, то есть цитатное соотношение «литература – литература», «литература – фольклор».
2. Языковая игра с прототекстом, то есть игра с формой речи.
3. Интермедиальный вид цитатности, то есть соотношения «литература – кино», «литература – телевидение», «литература – музыка».

Цитирование прецедентных текстов в творчестве В. О. Пелевина позволяет создать емкие в смысловом и энергетическом соотношении тексты, вовлечь читателя в языковую и интеллектуальную игру, заключающуюся, как правило, в декодировании смыслов, скрытых в метатексте, создать пародию на культуру и эстетику предшествующих эпох и современного общества. Цитация для В. О. Пелевина является своего рода философией, основой мировоззрения. К особенностям цитации в творчестве данного автора можно отнести тотальную десакрализацию и профанацию всего существующего.

Медиальное цитирование иллюстрирует некоторые эмоционально-смысловые доминанты творчества В. О. Пелевина: взаимоотношения России и Запада, взаимопроникновение двух типов культур и языков; Россия в ее историческом пути, в том числе и на этапе Советского государства. К примеру, строки *«Мисью! Где ты?»* из рассказа А. П. Чехова «Дом с мезонином» получают новое истолкование в романе В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота». Их произносит В. И. Ленин, и если в рассказе А. П. Чехова эти слова обращены к любимой девушке, то в романе В. О. Пелевина – к котенку. Это профанирует высокий смысл понятия любви. Сочетание понятий «Ленин» и «котенок» рождает мысль о несостоятельности такого грандиозного политического события, как революция, по сравнению с простыми человеческими чувствами.

Автор широко использует цитаты с лексическим и грамматическим изменением прототекста, ведет с читателем тонкую ироничную языковую игру. Основной целью использования языковой игры с прототекстом в творчестве В. О. Пелевина является иллюстрация эмоционально-смысловой доминанты «взаимоотношения России и Запада, взаимопроникновение двух типов культур и языков», «Россия в ее историческом пути».

«И дым Отечества нам сладок и приятен. «Parliament» – таков рекламный слоган, созданный героем романа «Generation «П» – копирайтером Вавиленом Татарским. Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», нацеленная на пробуждение у читателя патриотических чувств, резко прерывается введением наименованием рекламного брэнда. Это создает своеобразный комический эффект и одновременно профанирует духовный смысл понятия «Отечество». Примечательно, что словосочетание «дым Отечества» у Грибоедова употреблено в переносном значении, у Пелевина же оно приобретает прямое значение: «дым Отечества» = «дым сигарет “Парламент”».

Лейтмотивом творчества Пелевина является создание пародии на культуру, философию, политическое устройство и эстетику Советского государства, что также выполняется с помощью цитации. *«Муравей муравью – жук, сверчок и стрекоза»* – эта фраза представляет собой пародию на один из основных постулатов морального кодекса строителя коммунизма «Человек человеку – друг, товарищ и брат». В смысловом поле произведения – речь идет о романе «Жизнь насекомых» – данный лозунг является средством характеристики вымышленного государства под названием Магаданский Муравейник. Эта фраза развенчивает устои Советского государства, построенного без учета психологии человека, для которого во многом характерны эгоизм и стремление к власти.

Особенностью произведений В. Пелевина также является создание пародий на известные советские газетно-публицистические клише и шаблоны. В данном случае мы можем говорить скорее не об интертекстуальности, а о цитировании формы.

«Семь сыновей подарила Родине Мария Ивановна Плахута из села Малый Перехват» – эта фраза, пародирующая советские радиопередачи, демонстрирует бытование в СССР приоритета общественного над личным. Пародийным является и название села, показывающее активное насаждение господствующей идеологии даже в малых формах жизни.

«Седьмой год несут орбитальную вахту космонавты Армен Везиров и Джамбул Межелайтис» – автором обыгрывается типичный оборот речи, характерный для советского телевидения. Значимыми

в семантическом поле романа вступают антропонимы, звучащие абсурдно, поскольку представляют собой сочетание имен и фамилий людей разных национальностей. Своеобразная компиляция является пародией на активно пропагандировавшуюся в СССР дружбу народов. Примечательными являются реминисценции с советскими поэтами Джамбулом Джабаевым и Эдуардасом Межелайтисом, воспевавшими господствовавший строй.

Таким образом, языковая игра с прототекстом в произведениях Пелевина выполняет ряд функций, заключающихся в создании иронического и пародийного эффекта. Сохранение синтаксической структуры прототекста позволяет читателю сопоставлять лексическое наполнение прецедентного текста и его измененной версии, что рождает дополнительные иронические смыслы, делает высказывание семантически дуплановым.

3. Широко распространенным видом цитатности в творчестве В. Пелевина является интермедialная, то есть цитатность, в которой репрезентируются соотношения «литература – кино», «литература – телевидение», «литература – музыка». Для нее характерно изменение прототекста с сохраненными лексическими маркерами цитации. Этот вид цитатности также выступает иллюстративным материалом к эмоционально-смысловой доминанте «Россия в ее взаимоотношениях с Западом, взаимопроникновение двух типов культур».

Так, в тексте романа В. О. Пелевина «Generation «П» созданы рекламные слоганы, содержащие тонкую постмодернистскую иронию, которую способен уловить лишь проницательный читатель. *«Спрайт. Не кола для Никола»* – этот слоган отражает проблему столкновения западной и традиционно российской культур. Западную культуру олицетворяют понятия «Спрайт» и «Кола», а традиционно российская культура спроецирована в имени «Никола» – подчеркнуто народной форме имени «Николай». С помощью иронии автор утверждает насильственное внедрение западного образа жизни в русское национальное сознание.

«GUCCI FOR MEN. Будь европейцем. Пахни лучше» – этот слоган углубляет заявленную ранее проблему. В словах «будь европейцем» содержится призыв приобщиться к западной культуре. Смысл фразы «пахни лучше» становится ясным только при знакомстве со сценарием данного ролика, в котором «похмельный мужичок», рассуждающий об отношениях России и Европы, проваливается в отверстие деревянного общественного туалета. В данном примере показано сомнительное качество предлагаемого товара, имеющего ценность только по сравнению с вышеозначенным запахом.

Таким образом, можно сделать вывод, что для В. Пелевина цитация не частный художественный прием, не просто средство характеристики героев, а своего рода философия, основа мировосприятия.

Цитация в текстах Т. Н. Толстой, напротив, не является основой мировосприятия, а играет роль иллюстративного материала для анализируемых языковых или общественных явлений. В творчестве Толстой преобладает медиальное цитирование, при этом основным прототекстом выступает русская классическая литература. Кроме того, авторская ирония направлена на отдельные стороны общественной жизни, в отличие от универсальной иронии Пелевина, поэтому языковая игра используется автором в относительно редких случаях.

Цитаты в произведениях Т. Н. Толстой играют роль иллюстративного материала для эмоционально-смысловых доминант творчества в целом, как-то: деградации современной культуры, обеднения русского языка в речи молодого поколения, взаимоотношения России и Запада и др. При этом названные общественные явления рассматриваются автором в ироническом ключе, а порой подвергаются безжалостной критике.

Автор с возмущением говорит о деградации молодого поколения, обнищании содержательной стороны русской культуры. Так, в рассказе «Какой простор: взгляд через ширинку» анализируются структура и содержание мужского глянцевого журнала «Men's Health». При этом автор вскрывает убожество, однообразие и низкое качество журнальных статей. Основным средством изображения пошлости и примитивности содержания и языка журнала выступает тонкая ирония. К примеру, фраза «*Очень смешное слово – теща. Все еще без шуток не хожу*» представляет собой реминисценцию с частушкой постсоветского времени: «Мимо тещино дома / Я без шуток не хожу: / То ей серп в окошко суну, / То ей молот покажу». В этом случае подчеркивается типизация образа тещи как «врага народа». Тем самым автор акцентирует стандартность мышления создателей журнала.

Одним из аспектов заявленной эмоционально-смысловой доминанты является проблема деградации современного русского языка, немотивированного проникновения в него заимствованных слов.

Название рассказа «Надежда и опора» представляет собой неточную цитату из стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Русский язык». Рассказ посвящен рассмотрению особенностей языка, на котором русские эмигранты разговаривают в Америке. Язык этот, по мнению автора, некий «эмигрантский волапюк», «языковая плазма», то есть стихийное, неоправданное перенесение английских корней в русскую

языковую систему, в связи с чем исчезают мощь, богатство и красота русского языка.

Анализируя названия современных телепередач и мультфильмов, выходящих в эфир на современных телеканалах, автор не однократно восклицает: «...там, где, казалось бы, уже никак не выпендришься по-западному, поднадужились и выпендрились: «Серый Волк энд Красная Шапочка». Для кого этот «энд» воткнут? Кто это у нас так разговаривает?». Отношение автора к данному явлению выражено, во-первых, с помощью глагола «выпендриться», имеющего негативную коннотацию, а во-вторых, с помощью риторических вопросов, обращенных к читателю, на чье понимание надеется автор. Поэтому микротема завершается следующим высказыванием: «Друзья мои! Прекрасен наш соединительный союз «и». Возьмем его с собой в третье тысячелетие». В этой реминисценции игра слов строится на омонимии. Если в стихотворении А. С. Пушкина слово «союз» употребляется в значении «тесное единение, связь классов, групп, отдельных лиц», то в тексте Т. Толстой имеется в виду союз как служебная часть речи.

Немаловажной чертой авторского сознания Т. Н. Толстой является четко сформированная ею система ценностей. В связи с этим использование прецедентных текстов – один из способов ее актуализации. Для Толстой неоспоримыми ценностями являются любовь, вера, чистота и нравственность человеческих взаимоотношений, русская классическая литература и искусство в целом, богатство и мощь русского языка и т. п. Использование приема цитации позволяет продемонстрировать их необходимость современному человеку и противопоставить им бездуховное состояние общества.

Таким образом, мы можем утверждать, что в данном аспекте исследования авторское сознание В. О. Пелевина более близко постмодернистской эстетике. Текстам данного автора свойственна не только цитация, но и связанная с ней фрагментарность, эклектичность, разрозненность. Авторское сознание Т. Н. Толстой, напротив, в большей степени тяготеет к классической литературной традиции, представляя собой более «цементированные» тексты с четко сформированной аксиологической шкалой, объединенные сюжетом, героями, эмоционально-смысловыми доминантами.

Глава 3. Пространственно-временная организация постмодернистского текста как способ выражения авторской модели мира. Художественное пространство и время – важнейшие характеристики художественного образа, обеспечивающие целостное восприятие ху-

ложественной действительности и организующие композицию произведения. Ввиду знаковой, духовной, символической природы искусства слова пространственные и временные координаты литературной действительности не вполне конкретизированы, прерывны и условны.

Многомерность художественного времени связана с природой литературного произведения, имеющего автора и читателя, а также границы: начало и конец. В прозаическом произведении устанавливается настоящее время повествования, которое соотносится с повествованием о прошлом или будущем персонажей.

Данные особенности выражаются с помощью определенных языковых средств.

1. Наиболее характерным средством выражения описываемого временного отрезка в произведениях Пелевина являются наречия с темпоральной семантикой: «*Как всегда*, Андрея разбудило радио...»; «Такого Андрей не видел еще *никогда*».

2. В произведениях В. О. Пелевина обширно представлены лексические единицы и синтаксические конструкции, содержащие прямое указание на время описываемых событий: «И скоро мысль о предстоящем *завтра утром (ровно в пять тридцать)* повороте всей жизни и судьбы перестала доставлять удовольствие».

3. Чрезвычайно актуальными для произведений В. О. Пелевина являются вторичные характеризующие предикаты времени, содержащие косвенное указание на время. «За одним из столиков Андрей заметил своего *старого* приятеля...». Временное значение выражено семантикой прилагательного: старый – «давний» по отношению к субъекту (старым приятель является именно для этого героя). «*Еще при коммунистах* он приторговывал по тамбурам сигаретами и пивом». Время здесь маркировано с помощью упоминания исторического отрезка времени.

Дискретность и обратимость являются важнейшими свойствами художественного времени в произведениях В. О. Пелевина. В постмодернистском тексте часто нарушается реальная последовательность событий, происходят временные смещения, переключение темпоральных регистров. Творчеству В. О. Пелевина свойственна также типично постмодернистская фрагментарность, следствием которой выступает дискретность времени и пространства.

Многие произведения В. О. Пелевина имеют так называемые «открытые финалы», выраженные с помощью концовки в виде последнего действия или последнего сообщения, заключающей в себе открытую перспективу повествования. Действие, завершающееся

внешне, содержит в себе богатый потенциал предполагаемых читателем дальнейших событий.

Анализ пространственно-временной организации рассказов Т. Н. Толстой позволяет говорить о концептуализации в них сферы воспоминаний. Смысловое поле «воспоминания» чрезвычайно актуально для многих героев рассказов Толстой. Компоненты данного поля представлены с помощью ключевых для их выражения и понимания знаков, играющих важную роль в установлении внутритекстовых семантических связей и организации читательского восприятия. Ядро смыслового поля «воспоминания» в рассказах Толстой составляют смыслы непрочности, иллюзорности. Они репрезентированы определенными языковыми средствами.

1. Сравнительными оборотами и лексемами, имеющими семантику сравнения: «Платье похожее, *как у Сони*»; «...в голове остается только след голоса, бестелесного, *как бы исходящего* из черной пасти телефонной трубки».

2. Обилием глаголов и прилагательных с семантикой избираемости, остаточности, а также неувовимости и непрочности воспоминаний.

«Жил человек – и нет его. *Только* имя *осталось* – Соня». «А смеющаяся компания *порхнула* прочь и, поправ тугие законы пространства и времени, щебечет себе вновь в каком-нибудь *недоступном* закоулке мира...».

3. Употреблением глаголов несовершенного вида и обилием наречий со значением кратности, создающих ощущение растянутости процесса воспоминания во времени: «Соня хорошо *готовила*. Так что это *всегда* поручалось ей».

4. Неопределенными местоимениями, усиливающими ощущение нечеткости границ воспринимаемых объектов: [Она носила] «*что-то* синее, полосатое, до такой степени к ней не идущее!». «Соня служила *каким-то там* научным хранителем, *что ли*».

Обязательным компонентом смыслового поля «воспоминания» в рассказах Т. Н. Толстой является смысл постоянства незримой связи прошлого и настоящего. Он актуализируется на уровне коммуникативной организации текстов с помощью образа повествователя-медиатора, ведущего разговор о прошлом с неким собеседником. «Ну *вообразите себе*: голова как у лошади Пржевальского...»; «Потом вот эту, *знаете ли*, трубуху...». Кроме того, выражением вышеупомянутой связи служат лексические единицы, представляющие два условных временных блока

«тогда» – «теперь». «(Должно быть, *добавили* и отчество, но *теперь* оно уже безнадежно *утрачено*»).

Одной из важных особенностей анализа иризуемого смыслового поля является чрезвычайная значимость воспоминаний для их носителя, осязаемая тоской по ушедшему. В некоторых случаях то, что существовало во временном блоке «тогда», в сознании носителя воспоминаний является гораздо более важным, значимым, чем во временном блоке «теперь». Данная особенность выражена с помощью следующих языковых средств.

1. Прилагательных и причастий, имеющих значение света, счастья, радости: «...на зеленых лужайках они играли в *счастливейшие* игры...». «*Райские* долины, колышущие на *теплом* ветру *розовые* травы...».

2. Ностальгия по ушедшему выражается также с помощью существительных и прилагательных, имеющих семантику разорения, смерти, тлена.

«Что же, вот это и было тем, пленявшим? Вот эта *ветюшь* и *рухлядь*, *обшарпанные* крашенные комодики, *топорные* клеенчатые картинки, *колченогие* жардиньерки, *вытертый* плюш?..».

Смысловой состав поля «воспоминания» в рассказах Т. Толстой предельно широк и разнообразен.

Художественное пространство в произведениях В. О. Пелевина обусловлено сознанием субъекта его восприятия, в качестве которого выступает либо герой, либо читатель, воспринимающий и оценивающий героя. Особенно ярко это свойство проявляется в романе «Жизнь насекомых». Повествование строится на взаимодействии двух пространственных планов: мира людей и мира насекомых, объединенных общим пространством курортного города. Действующими лицами романа являются антропоморфные насекомые, которые в зависимости от ситуации становятся то людьми, то насекомыми. В зависимости от их пребывания в какой-либо ипостаси меняется воспринимаемое читателем пространство. В данном случае лексические единицы, называющие биологические признаки людей и насекомых, выступают маркерами принадлежности героев романа одновременно к обоим мирам: «Расправив полупрозрачные *крылья*, она сделала в воздухе прощальный круг. Посадка чуть не кончилась катастрофой, потому что в плитах попадались металлические решетки для стока воды, и Марина чудом не угодила в одну из них тонким *каблуком*».

Содержание многих рассказов Т. Н. Толстой организовано противопоставлением и сопоставлением хронотопов «мир реальный» – «мир идеальный». *Реальный мир* (настоящее) представляется героям ужасающе скучным, а *мир идеальный* (будущее) видится им, прекрас-

ным, наполненным каким-то важным смыслом. Данное противопоставление выражается в тексте рядом локальных бинарных оппозиций, каждый из компонентов которой представляет собой определенную сторону данных эмоционально-смысловых доминант.

Следует отметить, что для сопоставления реального и идеального миров в рассказах Т. Толстой частотна и психологически релевантна такая оппозиция, как «тьма – свет». «Шел себе и шел, с горки на горку, мимо *сияющих* озер, мимо *светлых* островов, над головой – *белые* птицы, а пришел вот сюда, а очутился вот здесь; *сумрачно* тут и глухо». В данном примере образ мира идеального представлен троекратным повторением причастий и прилагательных, содержащих сему «свет». Это создает образ идеального места, ассоциирующегося с Раем. Настоящее же в данном примере никак не названо, а обозначено местоименными наречиями «сюда» и «здесь». Данные лексемы могут считаться эффемизмами, заменяющими понятия «настоящее».

В противопоставлении двух вышеназванных концептов автором часто актуализируется оппозиция «теснота, замкнутость» – «простор, бесконечность». Мир реальный представляется замкнутым на самом себе, на бытовых мелочах. Замкнутость и теснота мира реального актуализируются с помощью следующих смыслов:

- *пустота, ограниченность*: «День был темный, пустой, короткий»;

- *обреченность жизненного пути, невозможность вырваться из сетей земной жизни*: «Все предreshено, и в сторону не свернуть...»; «Трехмерность бытия, финал которого все приближался, душила Василия Михайловича».

Кроме того, для пространственной организации рассказов Т. Толстой характерна оппозиция, которую можно условно обозначить существительными «город» – «сад», или «цивилизация» – «природа». Данные топосы представлены с помощью бинарной оппозиции «несчастье, болезнь» – «счастье, здоровье». Человек, живущий в городе, часто болеет, на него давят мрачные стены зданий и каменные своды мостов. На языковом уровне это выражается словами, имеющими семантику нездоровья, мрака, угнетенности: «черный», «чахоточный», «ядовитый», «кашлять» и т. п. «На исходе зимы *сырым чахоточным* вечером...»; «...а Петерсу *кашлять* здесь среди гранитов и *плесени*».

Топос сада, дачи является прямой противоположностью городскому пространству и наполнен светом, ощущением свободы и легкости бытия. Это создается с помощью слов «золотой», «теплый», «волшебный», «солнце», «Рай». «Детство было садом. *Без конца и края, без*

границ и заборов, в шуме и шелесте, *золотой* на солнце, *светло-зеленый* в тени, тысячеярусный...». «Черный бревенчатый сруб... останавливался над плавным клубящимся-георгиновым спуском, где дрожит *теплый* воздух и дробится *солнце* в откинутых стеклянных крышках *волшебных* коробок...». Для явлений природы, так же, как для городских реалий, характерен антропоморфизм, с той разницей, что в городе неживые предметы напоминают чудовищ, героев фильмов ужасов, а на даче все становится сказочным и волшебным («черные черепа счетчиков» и «огуречные детеныши»).

Эмоционально-смысловая доминанта «противопоставление реального и идеального миров» актуализируется в следующих смыслах, представляющих собой локальные бинарные оппозиции: «тьма – свет», «холод – тепло», «теснота – простор», «неустроенность – благополучие», «смерть, безысходность – счастливая жизнь», «бессмысленность – тайный смысл». Для топоса города характерно означивание таких смыслов, как «теснота», «непогода», «болезнь», «страх», «несчастье», «тягостное существование». Топос сада, напротив, характеризуется такими смыслами, как «неограниченный простор», «солнечный свет», «счастье», «полноценная жизнь».

Глава 4. Особенности структурно-семиотического состава постмодернистского текста. Одним из способов выражения в тексте авторского сознания являются имена собственные. Автор, присваивая персонажу какое-либо имя, тем самым вносит дополнительный штрих в его образ, обозначает свойства его характера. Антропонимы в произведениях Пелевина и Толстой являются оригинальными, порой окказиональными (Омон Кривомазов, Пхадзер Владиленович Пидоренко, Вавилен Татарский, Никсим Сколповский), но большинство имен входят в традиционный русский антропонимикон: Соня, Шура, Наташа, Сережа, Алексей Петрович и др. Изобретение новых и наполнение традиционных имен другим значением играет в текстах важную роль и служит для более четкой обрисовки образа героя. Иногда имя и его носитель находятся в контрастных отношениях: например, заглавная героиня рассказа Т. Н. Толстой Соня (имя Софья означает по-гречески «мудрость») характеризуется фразой: «Ясно одно – Соня была дура». А герой рассказа Толстой «Ночь» Алексей Петрович – душевнобольной человек, и употребление по отношению к нему двухчленной речевой формулы «имя + отчество» неуместно. Но тем самым автор утверждает его право на полноценную жизнь, уравнивает героя с его «здоровыми собратьями».

Окказионализмы, являющиеся одним из способов вербальной репрезентации авторского сознания, в текстах В. Пелевина выполняют следующие функции.

1. Аттрактивная (функция привлечения внимания): *ухряб* (контаминация слов «хребет» и «ухаб») является символом сумасшествия), *вибрационализм* (направление в авангардном искусстве, исходящее из того, что мир является совокупностью колебаний (вибраций)).

2. Людическая (игровая): *верволк* (русификация немецкого слова «вервольф», означающего оборотня);

3. Экспрессивная: *высербить*, *трудильник*, *одномайственно* (слова, представляющие собой эвфемизмы ругательств и характеризующие быт и нравы жителей вымышленного города Уран-Батор);

4. Номинативная (все окказионализмы называют понятия и явления действительности);

5. Текстобразующая (окказионализмы являются органичной частью текстов В. Пелевина и неотъемлемой составляющей его авторского стиля).

Для вышеназванных авторов характерно бытование в текстах эмоционально-смысловых доминант – инвариантных смыслов, общих для всего их творчества. Таковыми в творчестве В. О. Пелевина являются следующие:

1. Сумасшествие (его причины; сумасшедший и его мировосприятие; психическое заболевание как гипертрофия одной из сторон внутреннего мира личности). Сумасшествие героев выражено с помощью лексических единиц, косвенно указывающих на психические отклонения:

- «выпасть из реального мира»: «У меня такое чувство, что *ты из реального мира давно куда-то выпал*»;

- идиот: «Вот *идиот*, Господи»;

- свихнуться: «От тебя, знаешь, *свихнуться можно*»;

- сойти с ума: «Так что же вы – *с ума сошли?*»;

2. Поиск Бога – истинного и ложного. В целом большинству героев произведений Пелевина не свойствен поиск истинного Бога. Веру в Бога они заменяют различными верованиями в потусторонние силы, магические талисманы, восточные псевдоучения. Прозе Пелевина свойственны выдуманные доктрины и полурелигиозные идеологии («Желтая стрела», «Мардонги», «Жизнь насекомых»).

Догматы христианской религии чаще всего подвергаются профанации («Страшный Суп» в повести «Затворник и Шестипалый»; Иисус Христос в роли рекламного брэнда в романе «Generation «П»).

3. Взаимоотношение двух видов менталитета – российского и западного – сводится у В. О. Пелевина к тому, что Россия пытается перенять западные инновации и внедрить их в сознание своих граждан. Попытки эти неумелы и нелепы, а растущая американизация и европеизация российской культуры постепенно губит ее.

В творчестве Т. Н. Толстой также возможно выделить некоторые эмоционально-смысловые доминанты.

1. «Одной из них является доминанта «противопоставление истинной и ложной жизни».

Основным аспектом противопоставления быта и бытия является наполненность истинной жизни тайным, почти сакральным смыслом – и бессмысленность, пошлость жизни ложной. Это выражается с помощью слов, имеющих вышеозначенную семантику: «Василию Михайловичу *открылось*, чем чистить ложки и какова сравнительная *физиология* котлеты и тефтели; он знал *месторождения* мочалок и веников». В данном примере «удушающие подробности преходящего бытия» представлены иронически через слова с разной стилистической окраской или немотивированный антропоморфизм.

В противовес ложной, истинная жизнь, страстно ожидаемая героями, наполнена светом, счастьем, а главное – смыслом.

«С *замиранием сердца* он ощутил близкое присутствие *чуда*: за дерматиновой дверью, может быть, *той самой, единственной* дверью на свете, зияет провал в *иную вселенную*, дышит *живая* тьма и среди звезд парит, дрожа на стрекозиных крылышках, крошечный полупрозрачный *эльф*». Герою свойственно постоянное стремление вырваться из оков жизни ложной и обрести истину.

2. Для творчества Т. Н. Толстой актуальна эмоционально-смысловая доминанта «взаимоотношения России и Запада, взаимопроникновение двух типов сознаний и культур». Но, в отличие от В. О. Пелевина, интересующегося ментальным и социальным аспектами взаимоотношений, Т. Н. Толстая прежде всего рассматривает вопрос взаимодействия русского и американского варианта английского языков. При этом автор отстаивает самобытность, богатство и красоту русского языка и сожалеет по поводу засилья в нем американизмов. Искусственность подобного языка выражена с помощью следующих характеристик: «языковая плазма», «словесные обрубки». Автором актуализируется понятие нормы, нарушаемой большинством говорящих, а также указывается обеднение строя русского языка, немотивированно приближаемого к английскому.

Вышеназванная доминанта реализуется через семантическое поле «Советское государство». В данном вопросе воззрения Толстой

близки взглядам Пелевина: Советский период в развитии России является, мрачным, даже inferнальным. Это выражено в следующих смыслах:

- **страх, ужас, тоска.** Лексемы: «страдать», «холодеть», «ужас», «исступанный».

- **противопоставленность государственного личному, домашнему:** «принудительно-фальшивый», «массовый», «хождение», «кричать», «унижать», «мутные уроды».

- **мертвенность, бездуховность:** «мертвые орлята», «мертвая мимоза», «растение умирает».

Оба писателя иронизируют над отдельными сторонами жизни Советского государства в рассказах Т. Н. Толстой подвергаются иронии, как в творчестве В. О. Пелевина. Но если у В. Пелевина ирония доходит до абсурда, то у Толстой мы можем проследить четкое разграничение положительного и отрицательного.

Концептуализация многих сфер современной действительности является отличительной чертой обоих типов авторского сознания. Более того, можно увидеть много общего в тематике и средствах реализации вышеназванных доминант в тексте.

Различие состоит в том, что основой эмоционально-смысловых доминант для авторского сознания В. О. Пелевина выступает тотальная ирония, профанация сакральных сфер культуры, а в реализации авторского сознания Т. Н. Толстой мы можем увидеть четко сформированную и ясно выраженную систему ценностей.

В **Заключении** подводятся итоги работы, делаются обобщающие выводы, основными из которых являются следующие:

1. Авторское сознание в постмодернистском тексте имеет различные способы вербальной репрезентации: цитация, в том числе и языковая игра с прототекстом; специфика пространственно-временной организации текста; особенности знакового состава текста, включая окказиональные образования; концептуальная сфера, включающая эмоционально-смысловые доминанты; система собственных именований.

2. Авторское сознание В. О. Пелевина является более близким постмодернистской литературной традиции. Тексты В.О. Пелевина отличаются ониричностью, фрагментарностью, полисемантической, множеством созданных реальностей, интертекстуальностью, полициатностью, принципиальным эклектизмом.

3. Авторское сознание Т. Н. Толстой, несмотря на бесспорные признаки постмодернизма в текстах, во многом тяготеет к русской классической литературе. Данному авторскому сознанию свойственны напряженная рефлексия, философская глубина содержания, четко сфор-

мированная аксиологическая шкала, символизм, условность, аллегоричность, концептуализация многих сфер жизни, наличие ясно выраженных центра и периферии в структуре текста.

Вышеперечисленные признаки составляют специфику постмодернистского текста как сложного уникального образования с полицикатной структурой и «стереофоничным» содержанием.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ изданиях:

1. Савицкая Н. В. Языковые особенности именований персонажей в рассказах Татьяны Толстой // Ом. науч. вестник. 2008. № 6 (74). С. 93–96.

2. Савицкая Н. В. Особенности языковой реализации смыслового поля «воспоминания» в рассказах Татьяны Толстой // Филология и человек. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та., 2009. № 4. С. 133–139.

3. Савицкая Н. В. Семантика и структура вторичного текста в рассказах Татьяны Толстой // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 32 (213). С. 119–123.

4. Савицкая Н. В. Языковые особенности эмоционально-смысловой доминанты «противопоставление реального и идеального миров» в рассказах Т. Толстой // Вестн. Ленинград. гос. ун-та. им. А. С. Пушкина. 2011. № 1. Т. 1. С. 139–145.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

5. Савицкая Н. В. Окказионализмы в произведениях В. О. Пелевина // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность». Ежегодник. Вып. 6: Сб. науч. тр. Омск, 2002. С. 178–181.

6. Савицкая Н. В. Антропонимы в произведениях В. О. Пелевина // Материалы Второй регион. науч.-практ. конф. «Информатика и лингвистика» (г. Омск, 22 апреля 2003 года): сборник статей // Ред. – сост. И. Ю. Морозов. Омск, 2004. С. 48–51.

7. Савицкая Н. В. Языковой образ-фрейм Советской эпохи в произведениях В. О. Пелевина // Человек и природа. Сб. материалов науч.-практ. конф. 27 апреля 2006 года. Омск, 2006. С. 48–51.

Подписано в печать 17.05.2011. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Печать ризография.

Печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,5.

Тираж 120 экз. Заказ AR001

Издатель И. В. Аппель.

Омск, ул. Добровольского, д. 4, кв. 41, тел.: (3812) 38-05-22

10 ~